

Привычка, приобретенная в учебке Волочаевско-го городка, за пять с половиной месяцев курсантской жизни, если можно назвать её таковой – просыпаться за 15 минут до подъема, сработала и сейчас. Младший сержант, ранее курсант Ч-ского полка, третьего УМСБ, седьмой УМСР, третьего же взвода и третьего отделения трехзначно нумерованной дивизии, Николай Веснин осознанно пробудился, ожидая пакостной команды: «Ppp-ёт-та-а! Па-ад-ё-ом!» Почесав за ухом, с хрустом сладко потянулся, облегченно выдохнув – в раббате КЭУ КЭЧ КДВО – та еще аббревиатурка! – было более сносно – подъем корячился аж в семь утра, вместо прежних шести.

Две круглых обитых жестью печи по противоположным углам приземистой казармы выдавали веселые пляшущие блики по стенам – видать, дневальный постарался, подбросил дровишек. Хлопнула дверь – клубящийся вал-накат холодного воздуха докатился по проходу до центра помещения меж тесно расставленных коек и рассеялся.

Натянув до подбородка давно забывшее естественный цвет одея-

ло в полоску, воин зябко поежился – предстояла опротивевшая работа на морозе. Ледяные, режущие точно бритвой ветра от Амура и Усури не унимались и здесь, на станции Розенгартовка, неподалеку от границы с Китаем.

В новой части верховодили, задавали тон курганцы – «деды», в основном полуавтономно базирующиеся в тайге, позднее коми-угорцы и «мореманы» – сахалинцы, а перед самым концом службы прибыли таджики.

Курганцы пели: «Скоро милый, Курган любимый я увижу вновь...» – им первым светил дембель и встреча с Родиной. Звучала прощальная под гитару: «Ты Розенгартовка, прощай, прощай, наш батя, мы поедem домой, назад не глядя...» Они отчебучили номер: перед отъездом домой коллективно помочились в распоротые поверху меха гармони-трехрядки и выставили её на мороз. Истерзанный инструмент с западавшими басами и не пикнул – обратился в камень.

Сахалинцы ловко разделялись с селедкой. Фокус был прост: держа её на весу, за хвост, одним неуловимым движением рук рыбину разрывали на две половинки – в

пол сиротливо тюкались голова со скелетиком. Их опыт не удавалось повторить никому.

Конгломерат этого обширного поселения на ДВЖД, а попросту Транссибе, исчислялся Лермонтовкой, Дормидонтовкой, корейским поселком «Дружба» и множеством в-ч, м-ч, и б-ч, напичканных до отказа личным составом и сосредоточенных тут в связи с недавними мартовскими событиями на острове Даманский: «Вопя галдящую оравой, Трясли цитатниками Мао...» Это были пока что цветочки – бузотеров-хунвейбинов пограничники оттесняли и сдерживали вначале кулаками, пинками и прикладами. Рассказывали: «Вмажешь провокатору от «широты душевной», закрутится волчком, упадет, снова вскакивает, кровь из всех дыр хлещет, а все равно крысится – хватает нож из рукава и буром прет на тебя... Дальше пошло горячее: предательски, в упор расстреляли заставу лейтенанта Стрельникова, атаковали, начались бои – решили испробовать на крепость русского Ивана.

Инцидент был еще далеко не исчерпан – две могучие соседние державы всерьез стояли на пороге войны. Николай воочию видел раненых, загипсованных, в повязках и на костылях, участников боев, приехавших в Хабаровск и приютившихся в одном из закутков еще «японской постройки» кирпичной казармы. Окружная газета «Суворовский натиск» публиковала жуткие фото наших солдат и пограничников с выколотыми глазами, истерзанных, обезображенных. Глумились над мертвыми и живыми хунхузы

страшно... На небосклоне злое ще наливался багрово-красным Марс. Поговаривали – из учебного батальона их воинской части туда отправились добровольцами два санинструктора, оба погибли.

Невольно забегая вперед, приходится с горечью осознавать, что остров, за который проливалась кровь и понесены немалые потери, в связи с демаркацией новых границ тихо отошел к Поднебесной и теперь именуется не иначе как Чжэньбао. Воистину неисповедимы дела МИДа и политиков!

На сегодня, из тусклого однообразия привычных будней была одна радость: прервалась двухмесячная блокада безмолвия – прочел наконец-то! – первое письмо от матери, направленное ей с уведомлением аж на самого командира части.

Письма (а переписку Николай вел обширную) – писал много и охотно, уходили как в прорву – оставались безответными, веяло мерзким душком чужих грязных лап; какие-то отбросы били по духовному, лишали единственной, по сути, радости – общения с людьми, любимой девушкой, миром. Солдат срочной службы, лишенный возможности переписки – это ли не ЧП в масштабах всего Дальневосточного округа? Перлюстрация писем соответствующими органами тут просто отдыхала! Грубейшим, наглым образом была поправа сама статья Конституции СССР о праве и тайне переписки.

Объект его обожания, рабфаковка из Барнаула Галина Чилиюкина, проживавшая ранее в Многоозерном, наверное, страшно обижалась, посылая Николаю безответные

письма. Ему писали и далекие, надевшие недавно шинели друзья – светлогорцы; Толик Калина из Киева, Петька Зайков из города Сумы, Саня Гольдин из ГСВГ, танкового рембата из городка Кирхмюзер, а так же родственники и, (вскрыты теперь все секреты) пара-тройка светлогорских девчат...

Письма, отправленные Весным по адресам и полученные на его имя, попросту с глумлением и диким ржанием «перлюстрировались» т.е. читались с гнусными комментариями, и, как выяснилось позднее, с жеванием насвая, уничтожались теплолюбивыми азиатами, коми– угорским кланом, всего-то на полгода ранее призванными в войска ЧМО.

Фоткам, если они были в конвертах, находилось применение – рукоблудие, «ловлю сеанса» никто не отменял. Даже спустя годы эти непрочитанные письма при одном упоминании причиняют боль, саднят незалеченной душевной раной. Распоясавшиеся негодяи упивались мнимой значимостью, ходили гоголем, выпятив грудь, свысока поглядывая на мельтешащий казарменный люд.

Почтарь, – метр с кепкой пистоньш, соплей перешибить! – таил в узеньких прорезях карих миндалевидных глазенок незатающую затаенную злобу на рослого Веснина, да и на всех, кто вышел ростом; им двигала мотивация ущемленного недоростка-нацмена. Мелкая, в сущности, должность письмоносца вознесла его на недосыгаемую высоту – хоть тут нашел лазейку поиздеваться казарменный шныренко.

Вкупе с ним доставал и грозил устроить «темную» Курамбек

(басмаческое имечко!), еще пара-тройка безликих шестерок. Младший сержант никоим боком не соприкасался с ними, но оказался главным раздражителем кривоногого сына степей.

На прямое нападение злопыхатели не решались – кишка тонка! – а вот гадить по-мелкому, это всегда, пожалуйста! Пока его оберегали две лычки командира стрелкового отделения, честно заслуженные на Волочаевке. Да и дернуться на командира впрямую попахивало не только дисбатом, а и уголовной статьей. Но уж коли отмечен губой да без какой либо должности, не в почете у командования, тут мы на тебе отыграемся: урядник!

В эту гоп-компанию органично вписывался некто, житель соляных копей, с явно протокольной внешностью. «Суча-рры!» – изрыгал он боевой клич от печи, где они постоянно кучковались. Рога и копыта гремели и выпирали оттуда еще те...

У Элочки-людоедки лексикон был гораздо богаче. Наверное, подобное или что-то в этом духе вопили самые кровожадные пираты Карибского бассейна... «Ур-рою, ссу – чар-рры!» – на обертон выше гремел громогласный рык, заставляя трепетать молодых воинов раббата, затаившихся под одеялами в кроватях.

– Пронеси, упаси, лишь бы не ко мне, – трясся и зывал с тревогой каждый. Обладая подобной луженой глоткой, первобытный человек мог бы напугать даже пещерного медведя, рванул бы когти от него куда подальше и саблезубый тигр... Сакральный вопль был универсален: с определенной

сменой модуляции мог означать и умиление, восторг, даже звучать одобрительно.

Из всего призыва угорцев сдружился Веснин лишь с чернявым телефонистом, ефрейтором Бабинцевым, сидевшим почти безвылазно (вот лафа!) на батальонном коммутаторе: человек – душа нараспашку! – его не портило, а наоборот придавало шарм некоторое заикание. В редкие свободные часы они подолгу беседовали, делились воспоминаниями.

Ефрейтор – имя улетучилось, много и красиво рассказывал о родном городе, о себе, девушках, так и не ответивших ему взаимностью, жестикулируя и успевая при этом, не глядя, переключать провода со штекерами в нужные ячейки-гнезда.

В то морозное утро при пробуждении Николай обнаружил, что с погон гимнастерки кем-то варварски срезаны сержантские лычки, на армейском сленге «две сопли». От командирских регалий виднелись по швам погон жалкие зубчики красных нитей. Четырех алых полосок шелка, как ни бывало, а недруги у печи, ожидая реакции, поглядывали в его сторону, реготали и ржали особенно радостно.

«Суу-чар-ры!» – раскрепощено и вдохновенно рычал представитель соляных копей, Соль Земли. Грозь, гневно сучил короткопалые конечности, сузив глазки-прицелы Курамбек – Добрейшей Души Человек.

«Ну, что ж, переживем и это – побуду до вечерней поверки рядовым – пускай тешится запечное зло. Главное – спокойствие, спокойствие, прежде всего». Эта кры-

латая фраза принадлежала дяде Николаю по матери, Афанасию. Он, будучи киномехаником высшей первой категории, руган был нещадно и многократно полными кинозалами.

«Сапо-о-ожни-и-ик! Фильму давай!» – дружно извращали и переиначивали интеллектуальную профессию зрители, неистово крича и топая ногами, когда многострадальная лента рвалась на самом интересном месте. Выручало спасительное: «Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие...», – подбадривал себя он. Место порыва части скоренько обрезалось, склеивалось – в ход шел ацетон, и луч кинопроектора, устремленный на киноэкран, вновь ненадолго заворачивал, успокаивал зал...

Начало службы в Розенгартовке, а её название в переводе с немецкого звучит как «Розовый сад», не задалось сразу. Станционные райские кущи оказались фикцией. Благоуханием мандариновых рощ, как в одноименном произведении классика японской литературы Рюноскэ Акутагава, тут и не веяло, а вагонетка обрелась и уже поджидала. Приказ № 1 заступить на службу обернулся для младшего сержанта Веснина явной подставой – его направили на время комендантом небольшой батальонной гауптвахты. Единственным «губарем» в одиночной камере неказистого помещения оказался старослужащий «дед», некто Куксин.

Мотивы его посадки не выяснились. Единственное, что было сказано в напутствие: «Не удивляйся, это ударник-ас, не труда, конечно, а... да сам поймешь».

Солдатик действительно играл на ударнике в той, бывлой гражданской жизни в каком-то там самодеятельном ансамбле. Щуплый, порывистый, импульсивный, как оказалось, «король ритма» постоянно отбивал такты всюду, где бы ни находился, на чем ни попадая, на пустых тарелках и перевернутых кастрюлях – «десятках» в столовой, пустых банных тазах, короче на всем, что под руку подвернется.

Из оружия коменданту выдали плоский обоюдоострый штык от карабина СКС, с ремешком в самодельных деревянных ножнах. Стрелкового оружия работягам рабочего батальона не полагалось, – как бы чего... хотя, поговаривали – на складах, куда ходили в караул, оно имелось. Скорее всего, те же снятые с вооружения «симоновские» самозарядные карабины – запасы времен войны.

Прознав о смене начальства, Куксин с ходу начал тарабанить в дверь, и вскоре перешел к активной психологической обработке новичка: «Ты, как тебя там – открывай, мать-перемать! – иначе приду в роту – сразу удавлю!»

«Ну, и грозен же ты, Парамоша, – подумал Николай, – а что на деле-то представляешь из себя?»

В течение битого часа подобное варьировалось с разными интонациями – от прямых угроз, до увещаний. Выход был один – Николай с тоской и отвращением поглядывал то на часы, то на выдавший виды телефонный аппарат со сколотой и обмотанной синей изолентой трубкой: «Достаточно набрать номер командиров повыше...» Обитая жестью дверь вибрировала и содрогалась от пинков.

«Да угомонишься ты, наконец!» – не выдержал, взорвался, вне себя начгуб... Вахханалия закончилась весьма просто. Свободолюбивый (по гражданке) сержант открыл камеру в нарушение всяческих инструкций и уставов и выпустил на волю жалкое существо, лишь отдаленно напоминавшее солдата. В замызанной гимнастерке без ремня, трясущегося от холода, с лихорадочно блуждающими на яркий свет дикими глазами, выпирающим острым кадыком. Геракл предстал в засушенном виде: «И грима не надо – как есть Розенгартовский сталкер!» – восхитился оторопело Веснин.

«Начальник, дай закурить», – попросил, присев рядом, и барабаня пальцами по столешнице арестант. Его била мелкая дрожь Николай ловко выщелкнув сигарету из пачки, и подал ему. Подвинул лежащий на столе коробок спичек. Прикурив, Куксин глубоко и жадно затянулся. «Наши едут, соль везут!» – глубокомысленно изрек он, выдыхая клуб дыма из глубоко разъятого рта.

«Штык в землю, мир и свобода!» – спустя некоторое время братались товарищи по несчастью, ручкаясь и едва ли не обнимаясь. Вскоре объявились и «Наши». Идиллия была прервана в самом разгаре: нагрянули с проверкой-обходом отцы-командиры, замполит – дежурный по батальону с красной нарукавной повязкой, свержсрочник, старшина роты Кривопорученко, и почему-то медик, старший лейтенант Абрамовский.

Завязтые театралы достойно бы оценили немую сцену, от изумления до последующего перепала

да настроений – ярости, громов-молний и непечатных выражений политического рупора и идейного вдохновителя батальона.

«Т-так, разэдак! Сгною, устроили тут курорт, понимаешь...»

«По одиночным камерам, до выяснения!» – грядущие кары сыпались как из рога изобилия. Сняв ремень с Веснина, они заперли военнослужащих по отдельным камерам-номерам, пенальчикам размером 2,5 на 4 метра, с хохотом комментируя происшествие. Узилище-камера, нештукатуренное помещение со складным «самолетом», днем не прилечь – замыкается, с температурой внутри 10-12 градусов тепла.

Окно отсутствовало, над дверью в зарешеченной нише горела, немигающим светом лампочка. Вечером, перед отбоем выдавалась шинель. Лучшего для служивых не придумано: её стелешь, она же под голову, полою укрываешься. После звонка визитеров, в роту прибежал новый начгуб, на смену арестованному Веснину. Рядовой Куксин более не выступал и смиренно помалкивал. После утреннего разноса комбатом, подполковником Золотцевым, Николай безвылазно отсидел еще пять суток, был помилован с определенной галочкой в послужном списке...

Охват сферы рабочей деятельности батальона был обширен: часть воинства, расположенного в Розенгартовке, занималась сугубо мирными делами; распиловкой и отгрузкой пиломатериала – бруса, досок, вагонки, половой рейки и дров для нужд войсковых частей, расквартированных по всему Дальневосточному округу.

Рота, базирующаяся непосредственно в Уссурийской тайге, занималась валкой, раскряжевкой леса ценных пород: ясеня, кедра, простой сосны и прочей древесины. В её штате котировались ходовые профессии: вальщики леса, трактористы на ЧТЗ, чокеровщики, сучкорубы, автокрановщики, стропальщики, рабочие нижних складов – штабелеры.

Гражданскими были только водители лесовозов да десятники-лесники. Для них отдельно кашеварил повар Яшка, колоритнейшая личность родом из Биробиджана. Кучерявый, с вьющимися, черными, как смоль волосами – еще бы бакенбарды и вылитый Пушкин! – словоохотливый повар осознавал своё сходство с классиком. Для его девушки, по просьбе – нужна надпись на фото, оказавшись перед дембелем в тайге, Веснин экспромтом выдал такой шедевр:

От службы воинской устав,
Преодолев разлуки грани,
К тебе стремится Ярослав –
Пройдя дорогой испытаний.

Адресат, дама сердца, видимо, была сражена наповал оперенной рифмой стрелой Купидона... Загреметь, попасть в тайгу, к черту на кулички считалось сущим наказанием, ею стращали самых неуживчивых и непокорных.

Уссурийские дебри, воспетые Арсеньевым во всей красе – с изюбрами и тиграми, диким виноградом, и женьшенем, элеутерококком и бархатным деревом, удаленностью от ближайшего жилья в 120 километров – отпугивали и мало кого привлекали. Где-то в этих местах «действовал» легендарный отряд Левинсона, одного из героев повести «Разгром» Фадеева.

Неподалеку, километрах в тридцати от таежников, базировались флотские соседи, моряки ТФ, никогда не бороздившие океана – такие же лесорубы-работяги, но в черных форменках и бескозырках. Было удивительно – в таежной глухомани, при въезде в расположение, сразу бросался в глаза флотский символ – большой черный якорь по центру окрашенных серебрянкой металлических ворот. Поневоле напрашивалось схожее сравнение с «подводной лодкой» в степях Украины...

В редкие праздники-выходные случались дружеские визиты вежливости; коллеги обменивались опытом скоростной валки деревьев, фигурным распилом древесины, сучкорубы проводили свой конкурс по обработке хлыстов, а по их завершению устраивали совместные футбольные матчи, кипели волейбольные баталии.

Позднее судьба свела Николая на Бикинской гауптвахте со старшим матросом Коровкиным. Будучи назначены кочегарами, они совершили «самоход», приняли горячительного и чуть не заморозили «губу», (неслыханное дело!) за что жестоко поплатились. Кроме мер: «разбить окно, насыпать хлорки!» – оба были острижены наголо под угрозой применения (!) огнестрельного оружия... Лихой вихрастый чуб Веснина пал жертвой офицерского произвола. Не отпадет голова – отрастет шевелюра и борода...

Неделю тому назад в таежную ссылку угодил единственный друг Николая Володька Трофимов, его неожиданно назначили туда старшиной роты. «Не иначе, как тоже подстава», – сожалел и предрекая

фиаско, на столь ответственном поприще, сокрушался, обдумывая новость, Веснин. Там ведь костяк «деды» – курганцы, самые отъявленные ухари и громилы... Командир таежной роты майор Капнивец и тот вынужден ходить по расположению с увесистой палкой – бадиком... С тем контингентом и старшины-сверхсрочники не могут сладить – летят оттуда, только не курлыкают...»

Ребята еще курсантами (птенцы одного взвода-отделения) вместе прошли через весь ад и кошмар мотострелковой учебки в осеннее-зимний период, получили сержантские звания и оба попали сюда. Их забрал из Хабаровска «покупатель», начштаба части майор Безтелепкин, добродушный с округлым животиком и пухлыми ручками толстячок, напоминающий персонажа из одноименного романа Гашека.

«Вот вы какие орелики, будем знакомиться, – осовело хлопая белесыми ресницами, произнес он, бережно прижимая левой рукой к груди стеклянную колбу купленного по случаю аквариума. – У нас стрельбы не будет, тихо живем. Капитан Напальченко хорошо отзывается, говорит – лучшие кадры отдаю...»

«Наш командир у самого Рокоссовского был под началом, – горделиво приосанился он, – правда, больше по тылу... Новичков немного озадачило: нумерация новой части, оказалась какая-то странная в/ч. 486684 – цифирь читались с обеих сторон одинаково».

«Вот и ладненько, – хохотнул, и немудрено расшифровал Володька Трофимов, – вход и выход нам обеспечены с гарантией». Володька,

рослый улыбчивый парняга родом из Исилькуля Омской области, весело скалит вставные металлические зубы – свои потерял в жаркой футбольной баталии, угодили бутсой прямо в лицо еще на гражданке.

Ребят сблизило в учебке и то, что нравились одинаковые фильмы, оба играли на гитаре – точь в точь совпадали некоторые доармейские проделки. Неунываха-парень с легкостью и шуткой определял жизнь загребушим хозяином, радостно и оптимистически принимая её, какие бы фортели она, брыкаясь, ни выкидывала.

Перед отъездом в тайгу, (где-то разжился!) щеголял всем на зависть в дубленом, выдавшем вида полушубке, местами прожженном, с косыми треугольными латками.

«Ну, бывай, Николай, в случ. чего – «укрой тайга его густа, бродяга хочет отдохнуть...» – пошутил он, хлопая по плечу погрустневшего сослуживца.

«Спешу – мой лесовоз уже на горке сигналит», – и, пожав руку, с гитарой и вещмешком за плечами направился к машине. Друзьям больше не суждено было свидеться.

Веснину вспомнились его любимые песни о «цыганском таборе и стройной цыганке» и как «параб-ду-паб! – по небу голубому возвращаются журавли»... До их с Володькой возвращения домой оставался год службы, как тем пресловутым «медным котелкам» было до демобилизации, или как до Китая пешком – хотя Китай рядом, от Розенгартовки – рукой подать...

Рабочая рота выстроилась на развод вдоль стены казармы во всем великолепии, (как бык на сне-

гу чем-то нарисовал) двумя неровными шеренгами, и в самом разнообразном одеянии.

Преобладали куцые телогрейки без воротников, бушлаты с петлицами различных родов войск, в смолистых пятнах и прожженные у костров. Серые валенки с резиновым протектором и без него, ватные стеганые брюки, лоснящиеся от смолы, дополняли наряд.

Серая масса людей, «рабочая лошадка» шевелилась, почесывалась, кашляла, вздыхала, выслушивая властные распоряжения нарядчика– старшины на предстоящие работы. Пахать целый день на лютом морозе не шутка – по унылым лицам было видно – из опостылевшей, но теплой казармы никому не хотелось высовывать носа. С оглашением очередных фамилий «строй» на глазах таял, распадаясь на группы и группки.

«Тюков, Веснин», – дуйте к Тикотю на малую раму.

«Слава Богу, хорошо, что не на большую, – отлегло у Николая, – не на завалы, разборку немыслимых нагромождений горбыля и щепы – рабам на галерах и строителям пирамид подобное и снилось». Вкруговую выходило, что рабский труд, сродни Гулаговскому – за еду и робу здесь себя не изжил, какие бы формы ни обретал, и в какие бы тоги ни рядился.

Иногда, когда перевыполнялся план – снисходили: к скупому солдатскому жалованию в 3р.80 коп. накидывали сверху по какой-то ведомости рублей тридцать-сорок, тогда как их цивильный рамщик очкарик Тикоть, огребал деньгу несравнимо. Вот и теперь его вертячая фигура уже маячила в проеме низкого строения пилорамы

– склонившись, возился с механизмом, стучал молотком по клиньям, регулировал натяжение пил. Пристывшая натянутая хитроватая улыбка выдавала скрытность натуры, подчеркивая обособленность профессионала среди серых кузнечиков – солдатской массы.

«Ну, здорово ночевали кхе, кхе... Пожалуй начнем, гвардейцы – сегодня распускаем ясень на брус и гоним пятидесятку, время останется, прихватим малость кедра», – озвучил он. Гуднул с натугой застоявшийся за ночь заиндевелый двигатель-привод, ходуном заплясали-заходили отточенные пилы.

Вжи-чи, вжи-чи – запели они, вгрызаясь в первое бревно...

Чи-чах, чи-чах! – менялся их тон при сопротивлении суковатой стылой древесины. Штабель приготовленных бревен у покатов был внушительен. В задачу помощников Тикотя входило их накатывание при помощи ломов на тележки, центровка по месту, посредством вращения винтовой «баранки» с двумя клешнями-захватами. Прием и откат на выходе тоже требовали усилий – горбыль отбрасывали отдельно. В набиравшийся очередной короб на полозьях с опилками впрягались втроем, выволакивая его из-под рамы.

Движения парней были выведены до автоматизма, да и не застоишься – мороз давил за 20 по Цельсию, а в крохотной курилке хоть волков морозь, Тикоть, как всегда поленился растопить «буржуйку». Готовую распиловку – шестиметровые доски и брус штабелевали на колесную ферму-вагонетку; кубатура подрастала на глазах – мерзлый, во вскрытых узорах годовых колец пиломатери-

ал был скользким, и закостенелым.

«Все, ребятаушки, обед», – смахнув каплю под носом и останавливая кнопкой агрегат, произнес рамщик. Округлые очки делали его похожим на заурядного сельского учителя из глубинки. Он втихаря уже не раз причастился к заветной плоской фляжке – что-то уж очень подозрительно зардел нос и зарозовели сквозь щетину впалые щеки.

На обед в этот день в солдатской столовой подавали щи, рисовую кашу-размазню со шмотьями сала и нескучный чаек. Уроженцы теплых краев по их вере не могли кушать презренную чушку, которая запросто могла схрупать в луже и дохлого кота. А кушать-то хочется!

Вареное сало, еще с детства вызывало у Николая отвращение и рвотный рефлекс – шевельнулась жалость, к бедолагам... Веснин не мог не заметить, как оно выжигались из тарелок и летело под стол; кое-кто с чашкой в руках выбежал из столовой и за углом поглощал содержимое со слезами на глазах...

Еще у одного дядьки Веснина, Дмитрия, на эту тему имелся короткий анекдот: «Спросили как-то одного мужика на рынке: Почему свиные головы продают без языков? Тот отвечает: «А чтобы не сказали, куда мясо ушло...»

Так и здесь, по аналогии, от свиной, выращенных на солдатских объедках, «мясо ушло по отцам-командирам с их семьями, «кускам» – сверхсрочникам, дородному вышестоящему начальству, периодически заглядывающему с проверками относительно плана и «боеготовности». Зав. столовой, некто Лошадников, важничая, лос-

нился, чуть не лопался, выпирая плотью из чш. – офицерской чистощерстяной формы.

Напарник Николая, Тюков, типичный представитель той бесконфликтной породы людей-тихонь, легко обходящих в любой среде все бурные рифы и течения. Кредо, защитный иммунитет таких как он – неприметность, усредненность, безропотность. Бытовало крылатое выражение: «Не мочись против ветра – сам себя обмочишь». Приводные ремни, зарядные винтики-шурупчики Системы.

Среди «прогнутых» или «прущих буром» напролом таких нет, но эта категория массовая, что на гражданке, что в армии. Именно они – то и ценятся. Отслужив на полгода больше Николая, неоднократно поощрен командованием и совсем недавно вернулся из краткосрочного отпуска – побывал дома, на Сахалине. Опальный сержант и сахалинец сработались, хотя и не стали друзьями – вкалывали-мантулили, как – никак на малой раме с Тикотем уже четвертый месяц.

Скупое, в морозной дымке белесое пятнышко-солнце склонилось на той стороне к далеким, нахмуренным чужим сопкам. Штабель пиломатериала на вагонетке подрос на двухметровую высоту. Тикоть, удовлетворенно похмыкивал, протирал свои очки, поскребывал на подбородке редкую щетинку – близился конец рабочего дня. Оставалось распустить пару – тройку бревен...

До сих пор, спустя многие годы, Николай Веснин не может объяснить себе самому, что, какая сила заставила его во время краткого перекура обвязать края шта-

беля-пакета прочной восьмимиллиметровой проволокой. Пакеты увязывали редко, через раз, по желанию – обходились до сих пор пока что без эксцессов.

Тикоть с Тюковым посмеивались, глядя на его возню: «Ни к чему это, паря, – так сойдет, не в первый раз...» А Николай тем временем, отрубив проволоку нужной длины, особо усердно и тщательно выбирал слабинку сдвоенных плетей, вращая, скручивая ломиком, стягивая их накрепко...

Было важно не перебачить – иначе лопнет и все насмарку. «Готово», – известил он, смахивая кургузой верхонкой капли выступившего пота. В вагонетку впряглись впятером – подошли на помощь двое ребят, занятых на вагонке.

«Дружно взя-али!» – уперлись, кто-то ковырнул ломиком под колесо, и махина тронулась с места, набирая ход. До места, – дизель – электрического крана на железной дороге – было метров двести и небольшой уклон: вагонетка катилась почти без усилий.

«Спасибо, парни, свободны – я застроплю», решил Николай, глядя на стрелу и кабину крана. Её маленькое оконце запаковал-затянул иней. Крановщик, солдат-срочник, имел весьма ограниченный обзор. Веснина немного насторожило, что вылет стрелы оставлял желать лучшего. Пакет мог бы сыграть и по крану. Ребята отправились восвояси.

Привычно заведя стропы, он отступил в сторонку, и вдруг ему показалось, что ближняя стропа легла не так – зацепилась за уголок фермы – вагонетку запросто могло сорвать с рельсов.

«Стоп!» – заходя спереди, крикнул он, не давая команды на подъем груза. Но, очевидно, до этого засидевшийся и кемарившийся электрообогревателем крановщик понял с точностью до наоборот: махина пакета качнулась, Николая пушинкой сбило с ног. От сдавливания затрещала грудная клетка – тело притиснула многотонная глыбища груза.

За тысячные доли секунды перед ним вихреобразно пронеслась вся жизнь. Реальность была такова: из-под слетевшей с рельсов вагонетки торчала только голова Веснина. Вытарашенные от ужаса глаза видели жуткий, в сорок пять градусов её крен, до звона струн натянутую проволоку обвязки. Участь Карениной и головы профессора Доуэля в одном флаконе!

Осознав гибельную ситуацию со стропальщиком, крановщик не предпринимал, по счастью, никаких действий, оцепенело сидел пеньком, в кабине – любое вмешательство могло стать роковым. Успел ли крикнуть Веснин? Наверное, да. С воплем «Вира!» слились воедино вера и крохотная надежда на спасение...

Почувяв неладное у крана и вагонетки, товарищи опрометью бросились на выручку: кто-то успел схватить лом, кто ухватил тонкомер-слегу. Подбежав, они не смогли с первой попытки выволить пострадавшего. Николая накрепко зажал капкан фермы, вдавливал в мерзлую землю, онемели ноги. Не отпускал, плющил тело чудовищный груз!

Лихорадочно суетясь, наконец, на какие-то сантиметры, (и откуда силы взялись!) чудом отжали вагонетку, буквально выдерну-

ли солдата, правда, без валенок. Шоковое состояние было у всех. Поставленный на ноги Веснин обмяк и рухнул, не сделав шага. В санчасть, расположенную в густом, с не облетевшей листвою дубнячке, доставили его полуволоком, чуть ли не на руках...

Отлеживался, «загорал» в тепле и уюте недели полторы – хорошо еще, что кости остались целы – обошлось без переломов, но тело взялось сплошь чернотой – так подмяла, зараза! Проведали, навещали Володька Трофимов, ребята спасатели. Николай подшучивал над собой: «Почувствовал себя рыбой-камбалой, которую кит прижал пюзом на плоском камне».

Долго выцветал – оттенки менялись от черно-синего, до изжелтасинюшного. Пришлось с помощью «лепилы» – санинструктора из города Глазова заново учиться ходить. Командир части подполковник Золотцев пару раз заглядывал в санчасть, сержант медслужбы тянулся перед ним. Николай, преодолевая неловкость, садился, не в силах еще подняться с кровати. Золотцеву было далеко за шестьдесят, – возраст уже пенсионный; к дубленому ветрами волевому морщинистому лицу, казалось, навеки пристыла печать озабоченности и суровости.

В этот визит комбат принимал доклад, брезгливо косился-морщился в его сторону; сказывалась непреходящая опала, а не симулирует ли? Уходя, буркнул: «И учти, этот долго пусть не залеживается, тут ему не курорт! План срываем, а вы тут прохлаждаетесь!» И смягчил тон: «В тайге рабочей силы недостает – вот у Рокоссовского вы бы повалялись так... Без крепкого тыла не повоюешь».

«Нет времени на болячки, восстанавливайся, инфантерия...» – добавил он, уходя, поменяв гнев на милость, теперь уже адресуясь пациенту. «И верно, рокоссовец – не соврал Безтелепкин-то», – с улыбкой удовлетворения подумал Веснин, откидываясь на подушку.

В один из прекрасных дней (обед ему по-королевски приносили в санчасть) – медик обрадовал, протягивая конверт: «Пляши, письмо тебе. Меня комбат за тебя сырым доедает, с понедельника тебе в роту, на легкий труд...» «Есть справедливость, на земле, выходит – кончились безобразия с письмами, блыснул почтарь

с теплого местечка», – подумал обрадовано младший сержант Без Должности, вскрывая письмо. Оно было от матери, несло частичку Родины, дышало любовью, переживанием за сына.

«А недавно мне приснился сон, – читал Николай, – будто ты в море на плотике. Носит сынок, тебя волна – вот-вот опрокинет. Никак не могу дотянуться, выручить-то. Уж кое-как, с горем пополам добилась, Коленька до тебя. Тут проснулась, думаю про себя: Слава Богу! К чему бы?.. А волны-то огромные – так и ходят, так и ходят!»